

НОВОРОССИЯ

«КТО ТЫ, «СТРЕЛОК»?»

Беседуют Александр ПРОХАНОВ и Игорь СТРЕЛКОВ

Окончание. Начало — на стр. 1

Александр ПРОХАНОВ. Вы сказали, что для противника ваш выход из Славянска был совершенно неожиданным.

Игорь СТРЕЛКОВ. Да, он их обескуражил. Ведь у меня был приказ категорический — не сдавать Славянск. А когда я сообщил о том, что намерен выйти, мне несколько раз повторили приказ не выходить, оборонять Славянск до последнего. "Вас обязательно деблокируют, обороняйте Славянск". Спрашиваю: "Чем поможете?" Молчание. А у меня — тысяча человек и тысячи членов их семей. Положить их я права не имел. Поэтому я принял решение на прорыв.

Вот ещё какой момент. Когда я был в Крыму во время крымских событий, посетил 35-ю батарею. Мощнейшее впечатление на меня произвело. Чалый — просто молодец, он восстановил практически всё своими силами. Не меньшее впечатление произвело и то, что все командиры украинской севастопольской обороны: все адмиралы, генералы, лётчики — сбежали .Оставили за собой командиров полков, батальонов. Те гибли вместе с солдатами. И когда я был в Славянске, решил: либо я не выйду совсем, либо я выйду со всем гарнизоном. Я принял решение выйти и считаю его правильным.

Глубоко уверен, что если бы мы не вышли из Славянска, потом не удержали бы и Донецк. Когда мы вошли в Донецк — всё там было замечательно. Сидел киевский мэр, УВД по-прежнему подчинялось Киеву — двоевластие классическое. Город совершенно не был подготовлен к обороне. Блокпосты оборудованы плохо, дороги не перекрыты, можно были зайти как угодно. И сил там было крайне мало, они были раздроблены, разбросаны, никто никому не подчинялся: отдельно была Русская православная армия, отдельно — батальон "Восток", отдельно — "Оплот". Каждый отряд оборонял свой район, единого управления не было.

Проблема была даже не в этом, а в том, что с юга Донецк был почти охвачен, противник занял Амвросиевку. В принципе он уже отрезал нас от границы. ДНР была полностью под контролем противника. И большая часть ЛНР была под контролем противника. Действовал единственный пункт — Изварино, куда отошла одна из моих рот из Краматорска, и они значительно усилили там оборону.

И просто бы Донецк в итоге отсекли вообще от Шахтёрска, от агломерации Тараевский-Шахтёрск-Антрацит. На том участке было лишь несколько не очень мощных блокпостов на дороге и Саур-Могиле. А между ними были огромные дыры, куда можно было войти. Иловайск был пустой — не было гарнизона. В Оспино не было ни гарнизона, ни блокпостов.

Прибыв в Донецк, я в городе оставил только штаб, комендантскую роту. Один батальон перебросил в Петровский район — это юго-западная оконечность, которая была пустая. Остальные силы, и Краматорска, и Славянска, были сведены в бригаду, разбиты на три батальона и разведбат. Они сразу были брошены на Иловайск, Оспино. И я сформировал линию фронта.

Александр ПРОХАНОВ. Из своих частей?

Игорь СТРЕЛКОВ. Именно из своих частей. Потому что "Восток" мне не подчинялся. На личных контактах, с ними удавалось наладить взаимодействие. Они обороняли район Ясиноватой, район Авдеевки, Песков, Карловку. На Карловке сборная солянка была: сначала там были люди Безлера. Потом они ушли, мне пришлось туда посылать своих. Потом я приказал отходить, прорываться оттуда, потому что их отрезали от нас, не было смысла в окружении их потерять.

Если бы мы не сформировали этот южный фас, думаю, что всё бы закончилось очень быстро. Если бы мы остались в Славянске, то через неделю, максимум через две, Донецк бы пал. А выйдя, мы сорок суток держали Донецк до прихода "отпускников". Хотя последние дни были просто отчаянные. Когда мы вышли из Донецка, то пробили коридоры на Россию в районе Марьинки, Кожевино, Бровки. Одновременно пробили себе коридоры для снабжения и отсекли в Яково всю группировку противника.

Мы коридор продержали с очень большими потерями, погиб цвет Третьего штурмового батальона в этих боях. Когда мы пробивали коридор, в боях под Марьинкой потеряли убитыми и ранеными 120 человек за двое суток — в основном от артиллерийского огня, от авиаударов. Убитых было более 30. Для меня это гигантские потери.

И на момент прорыва "отпускников" у меня батальон КЭПа был рассечён на две части: часть оборонялась в Снежном, а часть, вместе с разведбатом, оказалась прижатой к границе, отрезана.

К тому же мне постоянно приходилось снимать роты с Донецка, бросать на другие участки. К примеру, сначала мне роту шахтёров и противотанковый взвод пришлось бросить в Дебальцево. Потом то же самое пришлось делать с Красным Лучом. Потом начались бои под Иловайском. На момент прорыва нас настолько растащили, что у меня и военная полиция в бой пошла — в Шахтёрске воевала. В Донецке из нашей Славянской бригады остался практически только один батальон из двух рот, который прикрывал Петровский район. Батальон Каменска тоже почти весь ушёл из Донецка. И остались тылы: снабжение, комендантская рота, которая в основном состояла из стариков и необученных, боевая ценность которых могла быть только в городе в уличных боях, а не в активных полевых действиях.

Какие-то резервы были у "Оплота" и "Востока", но "Оплот" мне подчинялся частично, "Восток" вообще не подчинялся. Меня упрекают, что я не навёл там порядок. Но у меня был простой выбор, когда я из Славянска зашёл: либо срочно формировать фронт против противника, либо устраивать переворот. Но Донецк на тот момент был совершенно мирный город. Народ загорал, купался, спортсмены тренировались, люди в кафе пили кофе. Как в Москве летом, так и в Донецке было. И меня бы никто не понял. Хотя мои солдаты рвались всех этих тыловых арестовать, разогнать. Но я понимал: стоит развернуть гражданскую войну — тут-то нас всех и хлопнут! Я решил, что худой мир лучше доброй войны, и сознательно ушёл от этого.

Александр ПРОХАНОВ. Были в этой критической обстановке намерения и из Донецка уйти, силы-то неравные были опять?

Игорь СТРЕЛКОВ. Меня же обвиняют, что я хотел оставить Донецк. Рассказываю честно: в какой-то момент я перестал верить, что помощь из России вообще придёт. Просто перестал верить! И никто не мог мне это гарантировать.

Критический момент для меня, как командира, был во время прорыва в Шахтёрск. Когда они выбили нас из Дебальцево, и просто усиленная колонна 25-й бригады украинской пошла на Шахтёрск, вошла в город. Когда они заняли Дебальцево, я уже понял, что следующий рывок сделают на Шахтёрск. Я снял с фронта, то есть выделил из других батальонов, две роты. И они уже стояли на погрузке. И в момент, когда противник вошёл в Шахтёрск, одна моя рота двигалась туда, а другая была на погрузке двигаться туда. Соответственно, сразу после этого я снял ещё две роты, потом ещё одну, отправил туда бронегруппу "Оплота", то есть создал группировку. При этом обнажал я именно Донецк. Потому что был уверен: если противник и сунется в Донецк, то тут на улицах мы как-нибудь его задержим, а здесь Шахтёрск — означало полностью всё потерять.

Поскольку у нас была полупартизанская армия, грузились мы долго. Передвигались тоже долго. У всех ополченцев — семьи, они из Славянска вывезены были. И мы лишь частично успели упредить их. Одна рота всё-таки вошла в Шахтёрск и не дала его занять. Но укры перерезали дорогу между Шахтёрском и Торезом. Потом их с этой дороги с трудом выбивали.

Бои были целую неделю, командовал Царь — Кононов. Поэтому я и поддержал его кандидатуру на пост министра обороны — как командир батальона он показал себя очень хорошо. У него был усиленный батальон. Четыре Славянских роты, моя рота военной полиции, бронегруппа "Оплота", батареи… Всем этим он нормально командовал. Выбил 25-ю бригаду, разгромил её с достаточно небольшими потерями со своей стороны.

В момент, когда противник перерезал дорогу между Шахтёрском и Терезом, у меня наступил психологический кризис, я начал думать о том, что делать, подумывал переносить штаб в Шахтёрск или Снежное и готовить эвакуацию Донецка. Потому что понимал: если помощи не будет, то надо хотя бы спасти людей.

Александр ПРОХАНОВ. Вы не должны этот момент характеризовать как психологический перелом. Я внимательно следил за процессами, за динамикой ваших выступлений и, может быть, за динамикой вашей судьбы. И думаю, что вы всё делали правильно. Всё делали правильно! Исходя из реальных соотношений сил, иначе вы не могли поступать. С другой стороны, всё, что вы делали, — это мессианский подвиг.

Игорь СТРЕЛКОВ. Почему говорю, что перелом был? Потому что в тот момент я приказал готовить штаб к свёртыванию, всем штабникам грузиться. Люди не обсуждали мои приказы, потому что мне верили. И сам я выехал в Шахтёрск вперёд. Но в этот момент дорога была перерезана. Я целый день там пробыл, поговорил с бойцами, посмотрел. В течение дня я практически бригадой Шахтерской не управлял, видел, что Царь нормально справляется и вмешиваться в действия командира не хотел. К вечеру, пообщавшись с людьми, я принял решение не оставлять Донецк, хотя до этого планировал не Донецк сначала оставить, а Горловку. И за счёт горловского гарнизона прикрыть северный фас Донецка и линию на Шахтёрск. Потому что у нас там образовалась огромная, ничем не прикрытая дыра. Но тут ещё сыграло роль то, что в Горловке стоял Боцман, и он отстоял Горловку. Боцман поступил абсолютно правильно: он моему приказу готовить эвакуацию не подчинился. А на следующий день этот приказ отменился сам собой. Я понял: в той ситуации, что сложилась, мы не сможем организованно вывести войска ни из Донецка, ни из Горловки. Нам отрезали последнюю дорогу, а полевые дороги очень неудобные. Я воочию представил эвакуацию Донецка и Горловки — колонны беженцев, расстреливаемые на дорогах со всех сторон. Понял, что лучше принять бой в Донецке, чем все эти прорывы. Вечером я вернулся в Донецк и уже, несмотря на всю тяжесть ситуации, не планировал ни переноса штаба, ничего.

Это я ответил на вопрос, был ли план сдачи Донецка. Был план не сдачи Донецка, а намерение как вариант оставление Донецка с целью вывода и спасения людей, сил и средств.

Александр ПРОХАНОВ. Выравнивание фронта и бросок на Мариуполь — это всё только "отпускники" делали, или ополченцы тоже участвовали?

Игорь СТРЕЛКОВ. Отдельные подразделения ополчения были им подчинены. Но в основном на Мариуполь наступали "отпускники". Когда они ушли, зыбкая осталась и линия фронта, и возможности.

Во-первых, Мариуполь был пустой, там двое суток не было украинских военных, можно было взять без боя. Но был приказ не занимать. Не просто приказ остановиться, а приказ ни в коем случае не занимать. Так же Волноваху можно было занять.

Почему я и говорю, что события похожи на события в Крайне: там Югославская народная армия остановилась буквально за шаг до решающей победы.

Александр ПРОХАНОВ. Игорь Иванович, а как вы вообще в эту войну спикировали?

Игорь СТРЕЛКОВ. Я был советником у Аксёнова в Крыму. Он человек огромной харизмы, умный, грамотный, здравомыслящий, талантливый. Я командовал единственным подразделением крымского ополчения: рота специального назначения, которая выполняла боевые задачи. Но после боя за картографическую часть, когда двое погибло (а я этим боем командовал), рота была расформирована, люди разъезжались.

Когда произошли события в Крыму, было понятно, что одним Крымом дело не закончится. Крым в составе Новороссии — это колоссальное приобретение, бриллиант в короне Российской империи. А один Крым, отрезанный перешейками враждебным государством — не то.

Когда украинская власть распадалась на глазах, в Крым постоянно прибывали делегаты из областей Новороссии, которые хотели повторить у себя то, что было в Крыму. Было ясное желание у всех продолжить процесс. Делегаты планировали у себя восстания и просили помощи. Аксёнов, поскольку на него такой груз свалился, он по 20 часов в сутки работал, попросил меня заниматься северными территориями. И он сделал меня советником по данному вопросу. Я стал работать со всеми делегатами: из Одессы, из Николаева, из Харькова, Луганска, Донецка. У всех была полная уверенность, что если восстание разовьётся, то Россия придёт на помощь. Поэтому я собрал неразъехавшихся бойцов роты, набрал добровольцев. Собралось 52 человека.

На Славянск вышли совершенно случайно. Нам нужен был средний город. 52 человека — это сила в более-менее небольшом населённом пункте. И мне сказали, что в Славянске наиболее сильный местный актив. Этот вариант мы оценили как оптимальный.

Александр ПРОХАНОВ. Как обрастало людьми, подразделениями ваше движение?

Игорь СТРЕЛКОВ. Когда мы приехали в Славянск, на базе нас встречало человек 150-200. И они участвовали в штурме УВД с нами. В УВД было достаточно много оружия — под сотню автоматов и 100-150 пистолетов. Люди сразу вооружились. Часть, правда, растащили.

На следующий день мы заняли Краматорск: я отправил туда казачье подразделение — 30 человек. И пошло-поехало. Дальше всё зависело только от наличия оружия. Первые месяцы добровольцев было много, но нам нечем было вооружать. Когда начались боевые действия, полилась реальная кровь, число добровольцев поуменьшилось.

Но всё равно их было немало. Мне докладывали цифры: к концу мая по Донецкой республике записалось добровольцев 28 тысяч человек. 28 тысяч человек реально ждали оружия. Если даже половину отмести: криминальные элементы, случайные, то даже половина — это 14 тысяч человек. Если бы у нас было оружие, то ситуация развивалась совсем иначе, чем она развивалась. К моменту моего отбытия из Донецка у нас под ружьём и 10 тысяч не было. В Славянской бригаде по спискам было около 9 тысяч. Но из них комбатантов, то есть непосредственно бойцов, около 5 тысяч. Остальные — тыловики, повара, волонтёры, снабжение…

Александр ПРОХАНОВ. Когда вы воевали в Славянске, вы были только военным или чувствовали себя и политиком? Люди, обращаясь к вам, спрашивают: "Кто ты, Стрелок?"

Игорь СТРЕЛКОВ. Честно говоря, я не собирался ни в коей мере не то что заниматься политикой, но даже светиться. В Крыму я тоже многое сделал. Переговоры по сдаче штаба флота я начинал, ходил туда в одиночку, беседовал со всем штабом. Но факт в том, что я нигде не засветился. Да, где-то на фотографиях какой-то полковник. Я же не говорил, что в запасе или отставной. Для решения моих тактических задач было выгодно, чтобы меня все считали действующим. При этом я нигде не кричал, что я действующий. Просто говорил — полковник. А сами додумывайте. Ну, вот и думали: какой-то полковник. То, что я отставник, знали несколько человек. А остальные думали, что хотели. Ни фамилии, ни имени моего не знали.

Так же я планировал вести себя и в Славянске. Собирался найти харизматического лидера и оказать помощь как советник. Первое время я так и поступал. Поэтому Пономарёв всё время мелькал. Он — народный мэр. был очень активным. Был полезен в своё время. Потом всё пошло иначе. И я не нашёл никого, кого можно было бы двигать в качестве политического лидера.

А потом просто пришла команда засветиться: приедет Денис Пушилин, его полностью поддержать. Хотя я и так все мосты сжёг, без документов там был, все бойцы оставили документы при переходе границы, но это отрезало возможности для отступления как такового вообще.

Как только я без маски, без "балаклавы" выступил по телевизору с Пушилиным, во-первых, все поняли, кто такой Стрелок. Хотя и до этого знали, что реально я командую, перехват уже был опубликован, был мой фоторобот, но тут увидели меня воочию. Тут же меня вычислили, повезли на квартиру в Москве. Я этот момент не учитывал: и не успел даже родственников предупредить. Родственников я вообще в курс никогда не вводил: что я, где, как. В результате я понёс потери в личном плане из-за этой засветки, потому что не могу жить у себя, пользоваться своей библиотекой. Не говоря о том, сколько пережили мои родственники, которые обо всём узнали тоже по телевизору. Всю войну в Славянске у меня была военная диктатура. А дальше я не лез.

Александр ПРОХАНОВ. Вы считаете, что ваш опыт — чисто военный, не политический. Вы были министром обороны, командиром бригады?

Игорь СТРЕЛКОВ. В Славянске был батальон, бригады не было. Первый славянский добровольческий батальон. Было знамя, штандарт. До выхода из Славянска я фактически не осуществлял никакого влияния на Донецк в качестве министра обороны. Я постепенно выстраивал фронт. Реально мне подчинился Мозговой, я ему иногда ставил задачи. В строевом отношении он мне не подчинялся, но в тактическом. оперативном — подчинялся. Я рассматривал свою линию фронта по линии Лисичанск—Красный Лиман. Гарнизон Славянск подчинялся, Краматорск подчинялся, Дружковка—Константиновка. Какое-то время мне подчинялась и Горловка, Безлер, потому что я помог ему, — послал отряд на зачистку города, без моего отряда он бы его не взял под контроль.

Александр ПРОХАНОВ. Мне кажется, всё, что произошло тогда в Славянске и Донецке с вами, так или иначе связано с восстановлением государства. И вы участвовали не просто в восстановлении военной организации, но и государства в целом. То есть у вас была сознательно или бессознательно политическая роль, вы стоите у истоков установления государства.

Игорь СТРЕЛКОВ. В тот момент я отлично понимал, что наедине Донецк и Луганск биться против укров не смогут. Тем более — при отсутствии собственной военной промышленности, дееспособного правительства из местных. А изначально я исходил из того, что повторится крымский вариант — Россия войдёт. Это был самый лучший вариант. И население к этому стремилось. Никто не собирался выступать за Луганскую и Донецкую республики. Все изначально были — за Россию. И референдум проводили за Россию, и воевать шли за Россию. Люди хотели присоединения к России. Российские флаги были везде. У меня на штабе был российский флаг и у всех. И население нас воспринимало под российскими флагами. Мы думали: придёт российская администрация, тыл будет организован Россией и будет ещё одна республика в составе России. И о каком-то государственном строительстве я не думал. А потом, когда понял, что Россия нас к себе не возьмёт (я себя ассоциировал с ополчением), для нас это решение было шоком.

Александр ПРОХАНОВ. Оно не окончательное.

Игорь СТРЕЛКОВ. У нас ничего нет окончательного, в томто и дело. Война идёт полгода, а мы до сих пор не знаем: "едына" Украина, не "едына" Украина. Что для нас важнее: газовые поставки или русское население на Юго-Востоке?

Александр ПРОХАНОВ. Хотелось бы, чтобы и то, и то. Но не получается.

Игорь СТРЕЛКОВ. А если не получается, то всё-таки, что важнее? Мне докладывают, что ежедневно в Донецке бомбят. Каждый день присылают полные списки попаданий: куда что попало, где какой снаряд. Вот, накануне, с двух ночи до пяти утра разносили город просто. Разносили! В один из дней с раннего утра до позднего вечера — разносили. Ещё немного — и превратят в Сталинград. А мы будем торговаться по сотне за нефть. И получается, что в торговом отношении мы с Украиной сотрудничаем, помогая ей выжить, а на фронте воюем.

Вообще, если бы я был нацелен захватить власть в ДНР, я бы смог захватить, никаких проблем. Когда я приехал из Славянска в Донецк, все ждали, что я захвачу власть. Но у меня была задача защитить республику, а не захватить власть. Я бы с удовольствием туда вернулся. И я считаю, что всё делал правильно…

Александр ПРОХАНОВ. Я тоже так считаю.

Игорь СТРЕЛКОВ. Но спусковой крючок войны всё-таки нажал я. Если бы наш отряд не перешёл границу, в итоге всё бы кончилось, как в Харькове, как в Одессе. Было бы несколько десятков убитых, обожженных, арестованных. И на этом бы кончилось. А практически маховик войны, которая до сих пор идёт, запустил наш отряд. Мы смешали все карты на столе. Все! И с самого начала мы начали воевать всерьёз: уничтожать диверсионные группы "правосеков". И я несу личную ответственность за то, что там происходит. За то, что до сих пор Донецк обстреливается, — я несу ответственность. За то, что Славянск оставлен, конечно, я несу ответственность. И за то, что он не освобождён, я тоже несу ответственность.

Но, поскольку "за неимением гербовой, пишем на простой", — мы создаём движение, чтобы хотя бы так, гуманитарно оказывать поддержку ополчению.

Сказать, что мы их обеспечиваем, нельзя. Но мы помогаем реально. Половина армии одета сейчас в зимнюю одежду, которую мы им поставили. Наша помощь идёт в войска. А обеспечить гуманитарной помощью население способно только российское государство. Только государство! Из госрезервов надо брать. На те деньги, что собираем, мы можем помочь ополчению, семьям, раненым, но и то далеко не всем.

Александр ПРОХАНОВ. Оглядываясь на свою жизнь, не думаете ли вы, что все переломы в вашей жизни, броски, войны — это результат какой-то таинственной логики, которая заложена даже не в вашу натуру, а в судьбу?

Игорь СТРЕЛКОВ. Я против любой мистики в этом отношении. Просто считаю, что в каждой ситуации надо поступать — не всегда получается, к сожалению, — правильно: "Делай, что должно, и будь, что будет".

Александр ПРОХАНОВ. Но сами ситуации возникают случайно или логично?

Игорь СТРЕЛКОВ. В той каше, что образовалась после распада Советского Союза, может быть всё что угодно. На войне встречаешь таких людей, которые ещё больше прошли и испытали. Я оказался под прицелом камер. Но встречал огромное количество людей, которые этого заслуживают намного больше. И прошедших больше, и более талантливых во многом. У меня воевал офицер, который знает три языка, ещё до Донецка прошёл пять войн. Совершенно уникальной судьбы. Но по каким-то несовпадениям эти люди находятся под спудом. Может быть, их час ещё настанет. Эта мистика — реальная случайность.

Александр ПРОХАНОВ. Но у мистики есть своё поле. Она где-то существует, где-то реализуется. И реализуется не среди звёзд, а в человеческих взаимоотношениях. Вы не примеряете на себя политический кафтан?

Игорь СТРЕЛКОВ. Очень хотят на меня этот кафтан примерить. Но честно — мне рутинная работа никогда не нравилась. Я — разведчик, кавалерист, как Денис Давыдов. Он всегда тяготился регулярной службой. Хоть дослужился до генеральских чинов, лучше всего проявлял себя как партизан.

Я — человек прорыва, всегда иду на острие. Самые большие успехи, что у меня лучше всего получалось, — там, где надо было идти первым, проломить, зародить, начать строить. Дальше должны приходить другие — строить. Это — во-первых. А во-вторых, я не обладаю необходимыми навыками. Если идти в политику, то я мог бы себя проявить именно в переломные моменты. Рутина мне противопоказана. Я и сам заскучаю, потеряю интерес. Сейчас у нас относительно стабильная ситуация. У нас политика построена по принципу: замазался — добро пожаловать. Есть на тебя крючок — значит, можно с тобой работать. А честному человеку сейчас в политике делать нечего. Надеюсь, что-то изменится. Всё-таки война, она многое меняет.

Александр ПРОХАНОВ. В русской истории военные были неудачными политиками. Они почему-то не умели вписать себя в политику, даже когда были военными аристократами. Несчастная судьба декабристов. Поразительно вели себя военные в последние дни романовской империи…

Игорь СТРЕЛКОВ. Там была просто измена.

Александр ПРОХАНОВ. Вот военные так и занимались политикой — отдали власть Гучкову, Шульгину. А Тухачевский? Не сумел ничего сделать. Жуков был хозяин страны, власть в его руках была абсолютная. Он передал её Хрущёву.

Игорь СТРЕЛКОВ. У военного подспудно заложена функции подчинения.

Александр ПРОХАНОВ. Только не у латиноамериканского…

Игорь СТРЕЛКОВ. Латиноамериканские военные в основном и занимаются тем, что друг друга свергают. А мировых войн они не выигрывали.

Александр ПРОХАНОВ. А у турецких военных? Нет, там другие военные традиции. Русские военные всегда, реально получив власть, отдавали политикам, которые потом с ними же и расправлялись.

Игорь СТРЕЛКОВ. Я не совсем военный в классическом смысле. Командование такого рода для меня скорее случайно. Я — спецслужбист.

Александр ПРОХАНОВ. Как спецслужбист, вы имеете шанс стать крупным политиком.

Игорь СТРЕЛКОВ. Политика сейчас — это манипулирование выборами. Ложь с экрана, ложь везде. Главное качество политика — вертеться, как флюгер. Я не умею вертеться, как флюгер, и не желаю уметь. Я хочу умереть честным человеком. И лгать не буду ни с экрана, никак. Если я не могу сказать честно, то лучше ничего не скажу. Я могу обойти какие-то темы, не более того. Лгать напрямую я не буду. Категорически не хочу.

В современном политическом устройстве для меня места нет, я это прекрасно понимаю.

Александр ПРОХАНОВ. Может, в настоящий момент нет. Но история переменчива, особенно русская история. В ней заложена огромная динамика. Я всей кожей чувствую, что временны, эти тишина и перемирие абсолютно иллюзорны. Самое дорогое у человека — это репутация. У вас огромная репутация.

Игорь СТРЕЛКОВ. Её сейчас пытаются утопить.

Александр ПРОХАНОВ. Не обращайте внимания. Шлейф, что на вас навешивают, смехотворен. Может быть, у вас будут искушения, будут чародеи, которые захотят вас очаровать. Ждите, когда труба опять затрубит.

Игорь СТРЕЛКОВ. Надеюсь, что дождусь.

Александр ПРОХАНОВ. Иерихонские трубы всегда наготове, не волнуйтесь.

Игорь СТРЕЛКОВ. Главное, чтобы медные не зазвучали.

Александр ПРОХАНОВ. Медные вы уже прошли, остались иерихонские. Стрелков занял своё место в русской истории. Он совершил то, что мог совершить. И это, дорогой Игорь Иванович, драгоценный ресурс нашей с вами исторической реальности.